

Ди Ло кивнула, но тут же покачала головой:

— У меня больше нет семьи. Все умерли.

Умерли...

Чжао Шисань невольно закусил губу. Лучэн был вырезан, десятки тысяч погибших. Возможно, её родные тоже сгинули в той катастрофе. А может, для сироты без роду и племени армия — это и есть лучший выход?

— Ты понимаешь, что война — это жестокость? — спросил он. — Каждый день — бесконечная резня и смерть. Голова всегда на волоске: секунду назад ты жив, а в следующую — и не заметишь, как она с плеч долой.

— Конечно, понимаю, — Ди Ло тихо улыбнулась. Именно потому, что она знала о жестокости войны, она и рвалась в армию. Ведь это место, где можно выторговать себе будущее ценой собственной жизни.

Лишь бы хватило духу убивать и действовать, лишь бы заслужить военные заслуги.

Даже если в итоге ничего не выйдет — что ей терять? Она одинока, у неё никого нет. Чего ей бояться?

Даже если её женский пол раскроется — что с того? Она одна-одинёшенька. Если на поле боя кто-то узнает правду, её ждёт лишь смерть. Ей даже некого будет подставить под удар, ведь у неё нет семьи, за которую можно переживать. Она сама по себе: сыта — и ладно.

Единственное, о чём, пожалуй, стоило жалеть, так это о том, что некому будет предать её тело земле.

Ди Ло насмешливо улыбнулась. Несмотря на то, что на душе скребли кошки, это было лишь мимолётное чувство.

Глядя на толпу людей впереди, она вдруг усмехнулась: не всё ли равно, умирать или нет? Чего бояться? Какая радость в жизни, какой страх перед смертью?

— Меня зовут Чжао Шисань, а тебя как? — Чжао Шисань, стоявший рядом, помахал рукой, привлекая её внимание. — В наше время в армию идут не то чтобы много, но и не мало. Надеюсь, нас определят в один отряд, хоть какая-то поддержка будет.

Ди Ло бросила на него взгляд. Мужчина выглядел интеллигентно, был худощав и совсем не походил на сурового воина. Напротив, он казался, ну, скажем так, хрупким, как тростинка.

Ди Ло закатила глаза. Она сама была достаточно слабой, но, будучи девушкой, могла это перетерпеть.

Но что такое армейский лагерь?

Это же лагерь смерти! Ей бы самой выжить, зачем ей дружить с этим слабаком, который, кажется, даже курицу побоится зарезать? У неё что, с головой не в порядке?

Ди Ло совсем не хотелось заводить дружбу с Чжао Шисанем, но, видя его искреннее лицо, она помялась и тихо пробормотала:

— Я — Ди Ло.

— Ди Ло? — Чжао Шисань повторил имя, и на его измождённом лице появилась улыбка. — Красивое имя. Только сам ты такой худой и маленький, слишком изящный, совсем как девица.

Он покачал головой:

— Если сказать кому, что ты выглядишь как благородная девица, — поверят. Но в армии-то откуда взяться девушкам, верно?

— Верно, — Ди Ло дёрнула уголком рта, выдавив бледную улыбку.

На самом деле, те, кто верил, что она не девушка, были не глупы. Просто они не могли себе представить, что в этом мире, где мужчины выше женщин, девушка может вести себя иначе, чем затворница, которая не выходит за пределы дома, а на улице прячет лицо под вуалью.

Разве может быть такая, как она — не только не прячущаяся, но и проникающая в мужской армейский лагерь, чтобы жить как мужчина?

Не говоря уже о риске разоблачения, даже если слухи поползут — репутация будет испорчена.

В наше время женщины больше всего дорожат добрым именем. Стоит появиться хоть какому-то дурному слуху — и замуж уже не выйти, никто не возьмёт.

Но ей было глубоко наплевать на замужество и семью.

Единственное, что ей было нужно — как выжить.

Как выжить на поле боя, в этом месте, где убивают без счёта.

Ди Ло улыбнулась Чжао Шисаню:

— Да, все говорят, что я похож на девушку. С детства привык, даже объясняться лень. Чем больше оправдываешься, тем больше кажется, что совесть нечиста.

— Тоже верно, — Чжао Шисань тяжело хлопнул Ди Ло по плечу. — Вечно твердить, что ты похож на женщину — кому это понравится? Будто ты какой-то бабник. Впрочем, не переживай, твой брат Шисань тебя прикроет! Кто посмеет сказать, что ты девчонка, — я первый с ним разберусь, когтями исцарапаю!

— Пф... пф-ха-ха!

Ди Ло, глядя на тщедушное телосложение Чжао Шисаня, не удержалась и прыснула. Он

курицу поднять не сможет, а туда же — прикрывать меня, брат Шисань.

Улыбка Ди Ло была привычной: прикусив уголок рта, прищулив глаза и слегка опустив голову, она в лучах солнца выглядела так ослепительно, что Чжао Шисань остолбенел, а по спине у него пробежали мурашки.

Он резко шагнул вперёд, зажал Ди Ло рот ладонью и, нервно оглядываясь по сторонам, прошептал:

— Эй, младший брат Ди, не смейся так, особенно в лагере! Если будешь так улыбаться, местные грубияны тебя живьём с потрохами съедят, понимаешь? Слишком уж ты по-бабски выглядишь. У меня вот жена есть, и то я чуть не потерял самообладание, сердце забилося — словно увидел свою жену в первую брачную ночь... такую застенчивую.

— Съедят... с потрохами?! — Ди Ло не могла поверить своим ушам. Всё её внимание сосредоточилось на этих словах.

— Конечно! Эти мужики — те ещё шутники. Мужчины же, звери просто. Долго женщин не видели, им теперь кто угодно девчонкой кажется.

— Но ты не бойся, это они так, шутят.

Шутят они, как же!

Ди Ло застыла с каменным лицом, глядя на окружающих мужчин, ожидающих построения. На эти свирепые лица. У неё возникло пугающее ощущение, что она попала в логово волков.

Неужели она зря пошла в армию?

Ди Ло, не меняясь в лице, спросила:

— А откуда ты всё это знаешь?

— А, так у соседа младший сын в позапрошлом году в армию ушёл. Когда в отпуск домой вернулся, он мне и рассказал.

— ...

— Но ты не волнуйся, мы вместе записались, велика вероятность, что нас определят в один отряд. Я тебя защищу!

Спасибо, уж очень «помог»!

— О, кстати, — Чжао Шисань вдруг вспомнил. Он наклонился и ткнул пальцем в щёку Ди Ло: — А что это у тебя с лицом? Полосы какие-то.

Ди Ло:

— ...По дороге в канаву упала.

Торгаш проклятый.

Я же говорила, дешёвое — значит плохое. Эта пудра даже дня не продержалась, всё осыпалось, тьфу!

Чжао Шисань:

— ...

Они стояли рядом и перекидывались фразами. В основном говорил и жестикулировал Чжао Шисань, а Ди Ло молча слушала.

Солнце уже клонилось к закату, набор рекрутов подходил к концу. Чиновники начали собирать вещи, как вдруг издалека с яростным криком примчалась толпа. Впереди всех, стуча посохом, бежала седая старуха, чьё лицо было изрезано морщинами. Она неслась со скоростью молодого воина и, яростно указывая пальцем, закричала:

— Негодник! Ты посмел подсыпать мне зелье!

Толпа ожидавших рекрутов взорвалась гулом.

Старуха бежала прямо к ним. Неужели этот человек в их рядах?

Кто же такой извращенец, что подсыпал зелье старухе? Зачем?!

Мерзость, какая же мерзость!

Все переглянулись и с понимающими ухмылками зашептались:

— Подсыпать зелье старухе — ну и вкус у парня.

— Кто это? Кто?!

— Кто знает? Может, ты? А? Это ты?

В строю то и дело раздавались смешки. Лицо Чжао Шисаня вытянулось. Он яростно сверлил взглядом этих грубиянов, которые явно поняли всё превратно, и сплюнул:

— Кучка придурков без капли мозгов. Стыдно даже в одну армию с такими идти.

Статус?!

Ди Ло смотрела, как Чжао Шисань втянул голову в плечи, пытаясь спрятаться за её хрупкой спиной. У неё от этого зрелища лицо почернело.

— Неужели это... М-м-м!

Чжао Шисань намертво зажал Ди Ло рот:

— Молчи! Если они меня найдут — мне конец.

Ди Ло:

— ...

Ты сам-то видел, какой ты высоты?

Разве я могу тебя загородить?!

Ди Ло с силой оторвала руку мужчины от своих губ. Глубоко вздохнув и стараясь не думать о тепле, оставшемся на коже, она указала сначала на себя, потом на Чжао Шисаня:

— Ты знаешь, как называется то, что ты сейчас делаешь?

Чжао Шисань подозрительно посмотрел на неё, потом на себя:

— Что?

Ди Ло:

— Спрятать голову в песок.

Чжао Шисань:

— ...

— Чжао Шисань!!!

Старуха увидела его издалека. С рёвом, полным ярости, она подскочила к нему и, замахнувшись посохом, обрушила его прямо на голову внука.

Чжао Шисань бросился наутёк, вопя на бегу:

— Бабуля, бабуля, я виноват! Я не прав!

Окружающие с любопытством наблюдали за представлением.

Ди Ло молча отступила назад, соблюдая безопасную дистанцию — мало ли, заденет.

Старуха, несмотря на возраст, была в отличной форме. Она гоняла Чжао Шисаня с одного конца площадки на другой, даже не запыхавшись. Бедолага получил несколько ударов

посохом, с воплями влетел в толпу и, оглядевшись, решил спрятаться за спину женщины, выставив её перед собой как щит:

— Жена, жена, спасай!

Женщина, которую он использовал как прикрытие, беззвучно плакала. Она была одета в бледно-зелёное платье, в волосах — нефритовая заколка. Её болезненная бледность придавала ей особую, утончённую красоту — благородную и кроткую.

Ши Хуэйнян молчала, не просила за мужа, лишь вытирала слёзы платком, опустив голову и обнажив изящную белую шею, что вызывало невольную жалость.

— Бабуля, я виноват, — бормотал Чжао Шисань. Он знал, что Хуэйнян наверняка обижена, но она никогда не выступала против его решений.

— Негодник, выходи! Хватит прятаться за спину моей внучки! — Старуха замахнулась посохом перед Ши Хуэйнян, не зная, ударить или опустить оружие. — Хуэйнян, не потакай ему вечно, однажды он тебя с потрохами съест!

Ши Хуэйнян подняла заплаканные глаза, посмотрела на Чжао Шисаня и сказала старухе:

— Бабуля, если хотите ударить — бейте легонько. Если покалечите, нам же его обихаживать. К тому же, вы сами устанете, не стоит того.

Несмотря на слова, она крепко стояла перед мужем. Своего мужчину, конечно, жалко.

Старуха вздохнула, посмотрела на Ши Хуэйнян, затем на непутёвого внука и опустила посох.

А Чжао Шисань, не теряя времени, схватился за одежду и с трагическим видом указал на жену:

— Хуэйнян, ты... ты изменилась...

— Заткнись! — рывкнула старуха, не дав ему договорить. — Чжао Шисань, ты совсем страх потерял? Подсыпать зелье жене и бабушке? Чего ты хочешь? Чего ты добиваешься?

— Бабуля, я... я ничего плохого не хотел.

При упоминании цели Чжао Шисань виновато опустил голову и прошептал:

— Бабуля, я просто... хочу в армию.

До этого он был лишь книжником, но у каждого учёного в душе живёт любовь к родине и желание прославить её. Теперь, когда Государство Цзинь в беде, он обязан пролить кровь на поле боя и уничтожить врага.

— В армию? Да ты хоть понимаешь, что это такое? Это место, где убивают! Место, где не щадят никого! Я, старая женщина, с таким трудом вырастила тебя, женила, помогла стать учёным, а ты вот так мне платишь? В армию он хочет! Ты — единственный наследник нашего рода Чжао! Если ты погибнешь, как я после смерти предкам в глаза посмотрю? Что скажу твоим родителям? Что отправила их сына на убой?

— Бабуля...

— Не «бабуля» мне тут! Говорю тебе, Чжао Шисань, не думай, что раз начитался книжек, так можешь кровь проливать. С твоими-то ручонками, что ты там сделаешь? Живо домой! Забудем, что ты нас опоил, будто ничего не было. Если не пойдёшь с нами — с этого дня в роду Чжао для нас тебя больше нет!

Старуха ударила посохом о землю, поставив его перед выбором, который выбором не был.

— Бабуля... — Чжао Шисань пытался разжалобить её, но старуха не дала ему шанса.

Даже соседи и дальние родственники, пришедшие с ней, уговаривали его одуматься. Он — книжник, ни тяжести поднять, ни мечом махать, на поле боя — верная смерть.

— Бабуля, я не могу уйти. И... я уже не могу вернуться, — пробормотал Чжао Шисань.

— Не можешь? Почему? — Старуха пошатнулась, едва не упав, но Ши Хуэйнян вовремя подхватила её.

— Моё имя уже внесено в списки. Исправить уже нельзя.

— Нельзя? Нельзя?! Чтобы записаться, ты опоил нас зельем? Чжао Шисань, ты молодец! Просто молодец!

Голос старухи дрожал. Она знала, что списки не переписывают, но всё же надеялась:

— Шисань, умоляю, попроси их, ну попроси!

— Бабуля, — лицо Чжао Шисаня покраснело, он с трудом сдерживал слёзы, — ты же знаешь: «бесполезен тот, кто лишь книги читает».

Не договорив, старуха резко развернулась и зашагала прочь.

— Простите, — Чжао Шисань не знал, что ещё сказать. Он извинялся снова и снова, слёзы катились по щекам.

Кто знает, сколько лет пройдёт до возвращения? Дома остались лишь жена и бабушка, сердце разрывалось от беспокойства.

Он знал, что эгоистичен, что сам лезет на смерть.

Но это была его мечта — сразиться с врагом, уничтожить захватчиков.

— Хуэйнян, деньги, что я заработал в школе, лежат в шкатулке. Вместе с нашими сбережениями их хватит, чтобы вы с бабушкой ни в чём не нуждались.

— Угу.

Ши Хуэйнян смотрела на него всё так же нежно. Она так спешила, что её волосы растрепались, и она не знала, выглядит ли ещё красиво.

Покраснев, она нежно посмотрела на мужа, опустила голову и положила руку на живот:

— Шисань, я беременна. Хорошо, что доза зелья была маленькой, всё обошлось.

— Что ты сказала?

Чжао Шисань вытаращил глаза, его губы задрожали, и слёзы хлынули градом:

— Хуэйнян... Хуэйнян!

Ши Хуэйнян слегка улыбнулась:

— Шисань, пообещай мне, что вернёшься живым. Пожалуйста!

— Хуэйнян... Хуэйнян... — Чжао Шисань рыдал, вцепившись в её руки и беспорядочно кивая.

Он пожалел. Пожалел, что был так опрометчив. Но было уже поздно.

Ши Хуэйнян моргнула, сдерживая слёзы, поджала губы и вдруг с силой вlepила Чжао Шисаню пощёчину. Он замер, ошарашенный, с повёрнутой в сторону головой.

— Чжао Шисань! — она смотрела прямо на него, улыбка исчезла. — Чжао Шисань, вернись живым. Не заставляй бабушку хоронить внука.

— Бабуля!

Чжао Шисань рухнул на колени. Глядя вслед уходящей Ши Хуэйнян, он рыдал:

— Бабуля, обещаю, я вернусь! Прости меня, Хуэйнян, прости!

Когда совсем стемнело, чиновники, ответственные за набор, погнали лошадей, чтобы как можно скорее доставить списки рекрутов в Пограничный лагерь.

Новобранцев же повели люди из отряда Ди Цзю, который как раз вышел в дозор. Им не дали

ни минуты на отдых — три дня пути, и они должны прибыть точно в срок.

Война между народом цзиньцзянь и Великой Цзинь была на пороге, войска были распределены, провиант готов.

Они должны были не только отомстить за вырезанный Лучэн, но и дать отпор цзиньцзянцам за все их набеги последних лет.

На самом деле, все эти годы перемирия народ цзиньцзянь вёл себя беспокойно.

Ближайший к границе городок был «ничейной землёй».

Там жили все подряд, выходцы из разных стран, царил такой хаос, что никто не хотел этим заниматься.

Пока не случалось ничего серьёзного, пограничная стража закрывала глаза на мелкие беспорядки.

Но именно эта халатность привела к резне в Лучэне.

Император Цзинь был в ярости. Хотя он и издал указы, по которым полетели головы многих чиновников, это были лишь «козлы отпущения». Те, кто действительно стоял за этой катастрофой, жили припеваючи, занимая высокие посты, а некоторые даже получили повышения за доносы.

Жаль было лишь простых людей, ставших жертвами этой трагедии.

Но народ — это низы. Те, кто привык стоять на вершине, когда они наклонялись, чтобы посмотреть, как живут простые люди?

Война — это не дело одного человека, но страдает всегда народ.

Ди Цзю, глядя на огромную колонну рекрутов, нахмурился. Он повернулся к своему командиру отряда:

— Линь Тянь, куда делся наш генерал Сунь? Мы же вместе пришли, почему он сбежал первым, оставив нам эту обузу?

Линь Тянь проследил за взглядом Ди Цзю, посмотрел на сотню с лишним человек и вздохнул:

— Кто ж знает, какая блажь на него нашла.

<http://bllate.org/book/20963/2127237>